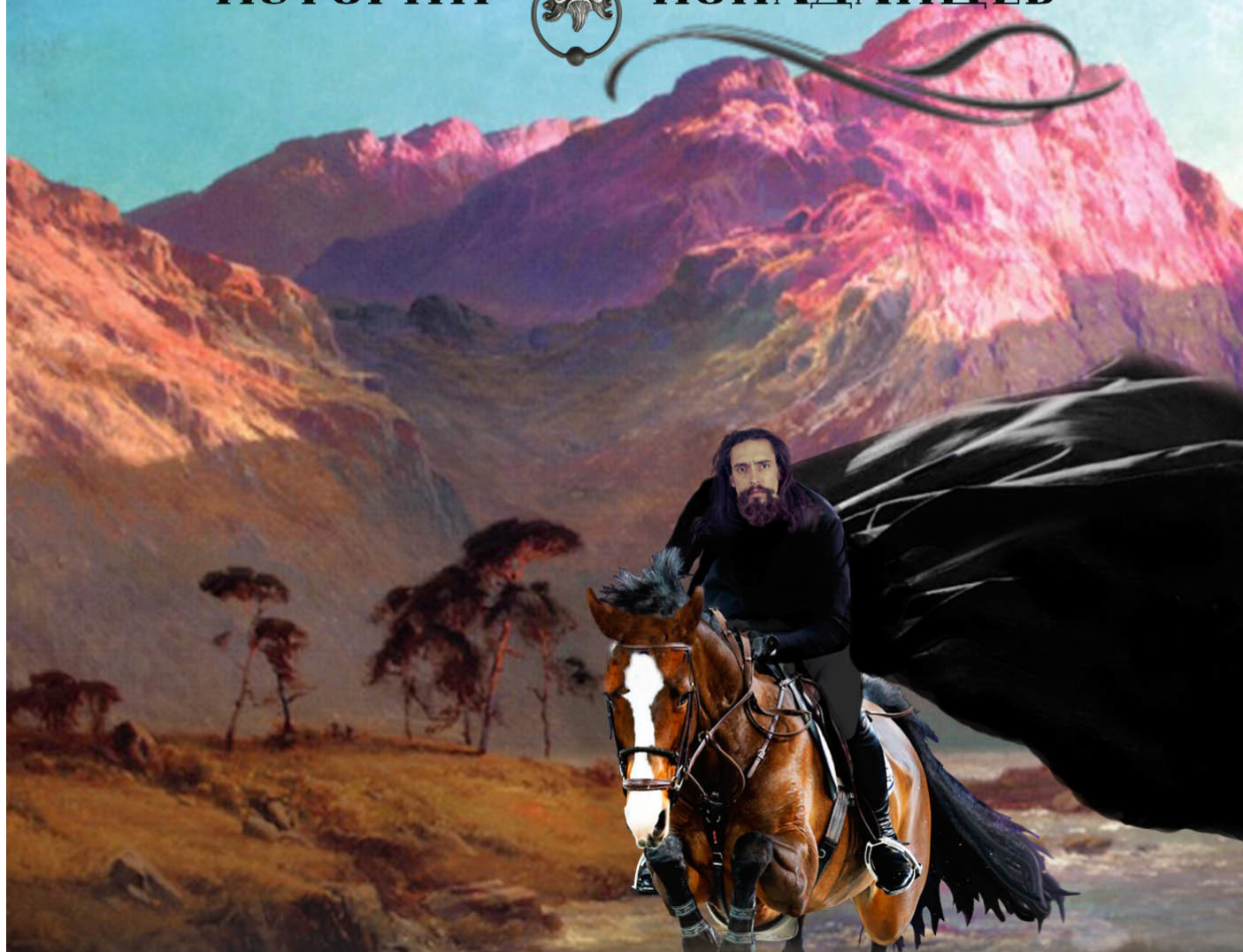

ИСТОРИИ ПОПАДАНЦЕВ

НАТАЛЬЯ БЕРЗИНА
ВАЛЕРИЙ БЕРЗИН

ДРУГОЙ

Истории попутанцев

Наталья Берзина
Другой

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Берзина Н.

Другой / Н. Берзина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Истории попаданцев)

Ради спасения единственного сына воин Стерх вынужден обратиться к магу Трилиусу. Вот только, на беду, что-то пошло не так. Разразившийся катаклизм отнял у воина вновь обретённого сына. Решив оставить высокий государственный пост, герой отправляется в далёкий и трудный квест. Откуда ему было знать, что разбуженные Трилиусом силы уже сотворили нечто и в Тёмном мире уже находится тот, кто ещё не знает своего пути.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	21
-----------------------------------	----

Наталья Берзина, Валерий Берзин Другой

Угрюмые свинцовые тучи мчались по низкому мрачному небу. Ветер рвал старый походный плащ, пронизывал всадника насквозь. Выглядывающая изредка огромная, отливающая кровью луна, озаряла время от времени разбитую дорогу. Вспученные, перевитые корни деревьев, толстыми змеями торчали из жирной, чёрной земли, хватали усталого коня за ноги, мешали скакать. Ночь вязкая, мрачная, опустилась на мир.

Суровое, словно вырубленное из старого дерева лицо всадника, устремлённое вперёд, было абсолютно бесстрастным, лишь глаза полыхали лютым, неукротимым огнём. Откинутый ветром капюшон, трепетал за спиной, то надуваясь парусом, то опадая. Длинные чёрные волосы, уже тронутые серебром, развевались словно шлейф.

За спиной остался дремучий лес, копыта всё чаще стучали о камни. Дорога круто забирала в гору. Далеко внизу остались луга, заросли корявых кустов, теперь вокруг были только камни. Там, на вершине горы, словно остриё копья, пронзившей низкое предгрозовое небо, высилась одинокая чёрная башня. Дорога давно кончилась, неприметная тропинка ещё какое-то время вилась между огромными каменными глыбами, но вскоре исчезла и она. На продуваемой злым ветром площадке конь вдруг встал как вкопанный. Всадник без всякой надежды тронул его шпорами, но, понимая бессмысленность собственных усилий, соскочил с седла, и бережно подхватив длинный, завернутый в выбеленное полотно свёрток, направился к башне.

Он шёл осторожно, прижимая к груди бесценную ношу, ногами отыскивая надёжные, крепко лежащие камни. Дыхание его уже сбивалось, видно было по всёму, что свёрток тяжёл, но мужчина даже не задумывался об отдыхе. Он поднимался всё выше, пока не достиг сложенной из исполинских камней башни. Тяжёлые литые, из толстой крепкой бронзы двери, гулко зазвенели под его ударами. Будто откликаясь на их звон, отозвалось далёкое эхо.

– Это ты Воин? Что нужно тебе от меня? – послышался, словно из камня, старческий голос.

– Отворяй, Трилиус. Мне нужна твоя помощь! – гулко ответил Воин.

– Тебе? Моя помощь? Это после того как ты расправился с моим братом? Ты смеёшься надо мной, Воин. Я никогда не открою тебе башню! – заскрипел невидимый старик.

– Трилиус, я разнесу и твою башню, если ты мне не поможешь. За то, что сотворил твой брат, ответишь ты, а он уже получил по заслугам, – прорычал Воин.

– Ты мне грозишь, смертный? Да я ведь сейчас испепелю тебя! – неожиданно окрепнув, прозвучал голос Трилиуса.

– Я не умею грозить, но ты сам прекрасно знаешь, чем всё закончится. Не забывай, что ты так же смертен как все остальные. Или пример Дулиуса тебя ничему не научил?

– Дулиус был моложе меня и мог не знать заклинаний! А я величайший из магов! Тебе не уйти от силы заклатья! – набирал силу голос.

– Хватит шуметь! Не хочешь отворить, я войду сам, но помни о судьбе Дулиуса, – уже не подавляя гнева, закричал Воин.

Дверь неслышно ушла в сторону, открывая темный проход. Там едва угадывались крутые, каменные ступени. Воин, не выпуская из рук нелёгкой ноши, решительно направился вверх по бесконечной лестнице. В глубоких нишах толстых стен стояли закованные в броню безмолвные стражи. Воин уже сталкивался с ними и отлично знал чего они стоят, но прекрасно усвоил и секрет их уязвимости, потому его сапоги продолжали грохотать по каменной лестнице. Казалось, вечность пошла к тому времени, как он поднялся в роскошно убранную залу под самой крышей.

За длинным столом, в высоком, поистине царском кресле восседал огромный, сильный молодой мужчина. Толстый кожаный доспех, покрывал свитую из маленьких булатных колец длинную рубаху. Толстые, перевитые крепкими жилами руки, опирались на рукоять огромного, редкого в здешних местах двуручного меча. Чёрным диким гневным огнём сверкали глаза. Чёрные, будто крыло ворона волосы стягивал широкий булатный обруч.

– Зачем ты пришёл, Воин? Я ведь предупреждал тебя, что способен размазать тебя по камню твоим же оружием. Что ты хочешь добиться? – прогремел невероятно могучий голос, казалось, сама несокрушимая башня задрожала.

– Трилиус, ты давно знаешь меня. Я пришёл за справедливостью, и остановить меня не сможет никто и ничто, – равнодушно ответил Воин и оглянулся.

Широко шагнув, он опустил на каменный выступ белый свёрток. Слабый едва различимый стон донёсся из него. Выпрямившись, Воин сбросил пыльный старый плащ и заботливо укрыл свою ношу.

– Ты, отлично знаешь, Трилиус, что сделал твой брат. И боги видят, такое злодеяние не должно остаться безнаказанным. Я не подарил ему лёгкой смерти. Ты, вероятно, видел сам как умирал Дулиус. Выбирай. Либо помощь мне, либо для тебя я придумаю нечто ещё худшее, – спокойным, чуть усталым голосом сказал Воин.

– Но тебе, не справиться со мной! Я не только мудрее тебя, но и сильнее! Мой меч рассечёт тебя на самые маленькие кусочки, я разбросаю то, что останется от тебя на сотню переходов вокруг! – зарычал Трилиус.

– Не стоит меня пугать, старик. Или ты ещё не узнал этого кольца? Да, это кольцо Мары, она сама одела его на мой палец, так что твои уловки совершенно бессильны, – с легкой грустью произнёс Воин и поднял шуйцу.

В тот же миг, будто рябь пробежала по зале. В мгновение ока исчез и стол, и роскошное убранство, да само кресло в котором находился черноволосый гигант, превратилось жалкое ложе, на котором, сгорбившись, сидел худой горбоносый старик, в синем, вышитом падающими звёздами плаще. Жидкие седые волосы подали на узкие, немощные плечи, узловатые старческие руки прижаты к груди. Выцветшие глаза с неприкрытой злобой смотрели на могучего Воина.

– Чего ты хочешь? Я не смогу снять заклетья. Его душа уже не принадлежит никому. Дулиус убил в нем искру Рода! Тебе никто не поможет! – дребезжащим голосом вымолвил Трилиус.

– Сделай что можешь, ты должен вдохнуть в него жизнь. Он единственный. Ты знаешь это! – глухо пророкотал Воин, шагая к Трилиусу.

– Ты думаешь, что искра Рода живёт в каждом? Такие люди редки, где найти её? Ты знаешь? Я нет! – сжимаясь в комок, пропищал Трилиус, видя, как надвигается на него Воин.

– Я знаю. Я говорил с Даной. У тебя есть кусок скорлупы первояйца. Ты заронишь огонь к его душу.

– Это невозможно, у меня, наверное, последний, единственный в мире осколок из тех, что принёс когда-то Таргитай. Я не отдам его никому! За все земные богатства не отдам! – ещё больше дрожа от страха, со злостью выкрикивал Трилиус.

– Твоё дело. Но Ящеру ведь всё равно, был у тебя в этом мире осколок скорлупы или не был. А к нему ты попадёшь прямо сейчас. Выбор у тебя невелик. Твоя жизнь зависит от него, – Воин указал на свёрток.

– Я не уверен, что удастся. Никто не делал этого, такое подвластно было только самому Роду, – начал искать оправдание Трилиус.

– Спаси его и живи, как хочешь, – твёрдо сказал Воин.

– Так вот, дорогой Стасик! Так дальше продолжаться не может! Ты хоть когда-нибудь обо мне думаешь? Неужели так трудно поверить родной жене? Я что уже не заслуживаю доверия? – продолжала возмущаться Ирина.

– Начнём с того, что ты мне совсем не родная. Родство определяется по крови, а ты для меня близкий человек, – вяло сопротивлялся Стас. – Кроме того, объясни, почему я тебе должен верить, если ты провела ночь неизвестно где и упорно не говоришь правды.

– Я тебе уже сказала! Да, засиделась у подруги. Это что преступление? Ты тоже частенько остаёшься на работе, если программа не идёт. Почему ты к себе такие требования не предъявляешь? – наседала Ирина.

– Я не выключаю телефон. Ты можешь связаться со мной в любой момент. Кроме того, ты прекрасно знаешь, где я нахожусь. Твой телефон был выключен с шести вечера. Ни одна из известных мне твоих подруг не призналась в том, что ты была у неё, – устало сказал Стас. – Вообще, не понимаю, почему именно я оправдываюсь. Ты отправилась в загул, а я обязан воспринимать это как должное? Может нам не стоит жить вместе?

– Как это? А на что я буду жить? – совершенно искренне удивилась Ирина. – Ты всё же мой муж и обязан...

– Стоп! – вдруг повысил голос Стас. – Запомни дорогая, я тебе ничего не обязан. Ты думаешь, я не знаю, что ты мне изменяешь? Ошибаешься. Догадывался давно, а сегодня убедился окончательно.

– Ты выходит, следил за мной?! Такой же ты подлец Стасик! Я верила тебе, а ты...

– Ирина, я устал от вранья и твоих постоянных претензий. Я ухожу, живи, как хочешь, – Стас встал, и чуть склонив голову влево, внимательно посмотрел на жену. – Сегодня я дал своим дополнительный выходной. Сам поеду на озеро. Проветрюсь. В понедельник отвезу заявление о разводе, пока посмотри текст, если есть замечания, позвони мне, обсудим. Я не хочу долгой процедуры. Я устал от тебя Ира. Прощай.

Подхватив рюкзак с лодкой и припасами, Стас взял зачехлённые вёсла и остановился на мгновение. Эта квартира была ему по-своему дорога. Слишком долго он прожил в ней, рассчитывал на то, что у него будет хорошая счастливая семья, увы, не сложилось. У него есть три дня, чтобы в тишине всё обдумать, взвесить, принять единственно верное решение. Три дня и три ночи, времени более чем достаточно. Жизнь с детства научила его действовать быстро. Тому причиной и регулярные занятия спортом и нечто передаваемое из поколения в поколение на генетическом уровне. Именно то, что делает так похожими отцов и сыновей.

Ведя машину в толчее городских улиц, Стас думал о том, что очевидно пришла пора подводить итоги. Первый раз он произвёл переоценку ценностей, пять лет назад, когда достиг того, чего хотел. Завкафедрой прикладной математики в тридцать лет, это не так мало как кажется. Пришлось работать очень много и упорно. Руководитель его кандидатской диссертации пророчил ему, Станиславу Стерхову, большое будущее в науке. Но, достигнув желаемого, Стас неожиданно заскучал. Начатую работу над докторской забросил, прекрасно осознавая, что выше завкафедрой ему не двинуться ещё очень долго. Выход нашёлся очень быстро, причём такой, что поверг в шок и Ирину, и многих сотрудников университета. Стас бросил всё и ушёл на вольные хлеба. Основал собственную фирму, собрал в неё молодых талантливых программистов и занялся новым для него делом. Пусть не сразу начало получаться. Почти год он и его команда едва сводили концы с концами. Но упорство и трудолюбие всё же победили. Дела резко пошли в гору. Стас пропадал в офисе сутками, забыв обо всём кроме работы. Теперь его фирма занимала далеко не последнее место в компьютерном мире.

То, что Ирина заскучала, он заметил уже достаточно давно. Охлаждение началось с постели. Всё чаще она, ссылаясь на усталость или нездоровье, отказывала ему в близости, а затем где-то около года назад отношения между супругами вовсе сошли на нет. Стас, пытаясь что-то исправить, предпринимал одну за другой попытки восстановить утраченное,

но Ира оставалась глуха к его словам. Не реагировала на устроенные для неё романтические вечера, вообще вела себя словно совершенно чужая женщина, случайно живущая под одной крышей со Стасом. После того как у него начали появляться достаточно серьёзные деньги, Ирина очень изменилась, у неё появились новые подруги, иные интересы. Теперь она целыми днями пропадала в тренажёрных залах, на теннисных кортах, в бассейне. Стас не препятствовал, регулярно оплачивал всё растущие счета и не требовал отчёта. В том, что в жизни жены начали появляться другие мужчины, он почувствовал по изменениям в её поведении. Не придумав ничего лучше, он попытался стать для неё единственным и неповторимым, но вероятно время уже было безвозвратно упущено. Теперь она и вовсе осталась у кого-то на ночь. Терпение Стаса лопнуло.

Город давно остался позади, машина летела по пустынному шоссе. В это время как обычно машин было мало и вполне можно было получить удовольствие от скорости. Стас вообще любил быструю езду. Да и машина позволяла. Именно из-за неукротимого темперамента он выбрал «БМВ», размеры не слишком большие, мощный легко раскручивающийся мотор, и восхитительная управляемость. До бумки он сменил много автомобилей, но этот запал в душу. Возможно, они в чём-то были схожи, машина и её водитель. Стас с детства увлекался спортом, в школе серьёзно занимался самбо, затем классической борьбой, получил в каждом виде первый разряд, а в университете увлёкся современным пятиборьем. Неоднократно побеждал на соревнованиях, даже удостоился звания кандидата в мастера спорта. Тренер души в нём не чаял, страстно желал вырастить собственного чемпиона, но Стас решил, что наука для него важнее, немного отошёл от спорта, хотя и продолжал поддерживать хорошую спортивную форму. Задумавшись, он едва не проскочил заветный поворот. Взвизгнув резиной по раскалённому асфальту, с креном вошёл в вираж и вот уже гравий забарабанил по днищу. Осталось всего сорок километров сначала по гравийке, а затем по разбитому просёлку. Но место, куда он направлялся, того стоило.

– Ты готов к этому? – понурившись, спросил Трилиус.

– А ты уверен, что ничего другого сделать нельзя? – не поворачиваясь, уточнил Воин.

– Есть только такое описание. Другого я не нашёл. У меня есть драгоценная Книга, добытая самим Ольгом, но прочесть её я не могу. Она написана языком, что был ещё до Забвения. Если хочешь, я расскажу, как Ольг добыл эти драгоценные книги. Очень давно, маг и великий отшельник со своими друзьями и побратимами...

– Трилиус ты забываешь, от чего зависит продолжительность твоей жизни, – грубо оборвал его Воин.

– Воин, ты тоже рискуешь! Он может никогда не вспомнить тебя! Если удастся, то он станет Другим. Его жизнь потечёт по пути предначертанным самим Родом¹. Над ним даже Числобог² будет не властен. Не боишься, что однажды тебе придётся погибнуть от его руки?

– Маг, не стоит меня запугивать, Род не позволит ему, возрождённому, стать на сторону Чернобога³, а встречи с Ящером я не боюсь. Числобог никогда не ошибается в отношении смертных, придёт и мой черёд. Но я хочу, чтобы он жил, яро, дерзко, смело как должен настоящий муж. Давай Трилиус начинай, не тяни, он уже совсем плох. Даже губы чернеют.

– У меня всё готово, но нам нужен Камень Рода. А самый древний, в шести переходах отсюда, – внимательно глядя в глаза Воину, сказал Трилиус.

– Что ты хочешь? Золота? Вот, забирай всё что есть! – Воин швырнул тяжёлый кошель на стол, заваленный свитками. – У тебя должен быть способ, только пошевеливайся.

¹ Род – первобог, создатель всего сущего

² Числобог – повелитель текущего времени.

³ Белбог и Чернобог – повелители добра и зла. Белбог дарует удачу, Чернобог приносит горе и смуту.

– Забирай его и пошли, – пряча довольную улыбку, прошамкал Трилиус.

С верхней площадки открывался вид на дальние, у самого окоёма, горы. Там уже блистали молнии, едва слышно доносились раскаты грома. Под ногами тянулась во все стороны жуткая, вязкая, словно смола чернота. Где-то там, далеко внизу луга, возделанные поля, укрывшиеся среди бескрайнего леса крошечные деревеньки, и далеко, словно на краю света, Барбус. Стольный град, с которым два десятилетия назад связал свою судьбу Воин.

Трилиус отвязал от одного из зубцов башни ветхий пыльный ковёр. Развернул его на каменном полу. Обошел вокруг, бормоча что-то и едва шагнул на середину, как ковёр начал словно всплывать, края его затрепетали, будто на небольшой волне, сам он начал приподниматься, всё ещё не совладав с тяжестью пусть и тщедушного, но человеческого тела. Воин, не выпуская белого свёртка из рук, тут же шагнул к магу.

– Не собрался ли ты от меня сбежать старик? – сверкнув зубами, спросил он Трилиуса.

– Нет, что ты Воин и в мыслях не было! – затрепетал словно лист маг. – Мы уже летим! Видишь? Всё, уже летим!

В самом деле, далеко внизу уже блеснула лента Реки, а справа, вдаль медленно начали удаляться огни Барбуса. Ветер трепал волосы, но Воин даже не думал завернуться в плащ, он только поплотнее укутывал в него тело сына.

Двадцать лет назад он пришёл в это царство простым наёмником. В то время как раз Куявия⁴ стала расширять свои пределы за счёт соседей. Конечно, боевые драконы, серьёзный аргумент. Но маги, подкупленные царом Куявии, уже пропустили чужие войска через горы. Воина началась на равнине. Плохо обученная армия Барбусии таяла как воск на огне. Связи с Древним Градом не стало. В горных ущельях ещё шли бои, а на равнине уже всюду разбойничали конные разъезды куявов. По всему было видно, что Барбус очень скоро окажется в осаде. Жители бежали в леса, надеясь отсидеться. В это самое время, когда в самом граде уже почти не было защитников в город, через Северные ворота и вошёл относительно молодой, но, видно по всему, уже бывалый воин. Спросив у стража как найти начальника гарнизона, он поправил перевязь и тяжёлой секирой и направился в сторону царского двора, где и находились казармы городской стражи. Больше войск в Барбусе уже почти не осталось.

Начальник стражи принял его настороженно, вдруг лазутчик, но спустя два дня он уже совершенно спокойно назначал Воина в караул у городских ворот. Огромного роста, необычайной силы Воин, не стремился искать друзей, всегда был замкнут, о себе почти ничего не рассказывал, как и о далёкой родине. Но, тем не менее, ему доверяли абсолютно все, и соратники и десятник, как впрочем, и сам начальник стражи, к тому времени принявший на себя командование маленьким гарнизоном. Всё чаще куявские всадники появлялись у стен Барбуса. На рожон не лезли, но издали высматривали, вынюхивали, выискивали слабые места. Всем было очевидно, что кольцо осады вот-вот замкнётся. И когда останется только уповать на богов. Единственной надеждой, но, увы, несбыточной, оставались боевые драконы и войска сосредоточенные на границе со Славией. До сих пор ни один гонец, так и не вернулся назад. Они уходили и исчезали бесследно. В то время когда многотысячная армия Куявии замкнула осаду, последняя надежда на подмогу исчезла.

Воин сам пришёл к Влаху, начальнику гарнизона. Предложил себя в качестве посыльного. Недолго раздумывал Влах. Согласившись, поручил Воину пробраться в горы. Тем же вечером, неслышной тенью соскользнул с крепостной стены, полуголый человек, в мягких кожаных штанах, и волчовке распахнутой на могучей груди. Никем не замеченный он просочился мимо кордонов куявцев и растворился в ночном лесу. Стремительной тенью мчался он между высоких деревьев, с каждым мгновением удаляясь всё дальше и дальше от града. К утру, он был уже у подножья гор. Казалось, осталось совсем немного, но именно здесь

⁴ Куявия, Артания, Славия и Барбус – древние праславянские государства.

его постигло полное разочарование. Все подходы и ущелья были буквально перегорожены куявцами. Положение критическое. Иного выхода у человека не было.

Выбрав укромное место, он скинул с себя одежду и, разбежавшись по кругу, вдруг высоко подпрыгнув, бросился плашмя на землю. Острая боль стеганула по телу, сознание разом помутилось. Сильно ударив раз – другой руками – крыльями, он воспарил над лесом.

Земля быстро удалялась, стремительно пролетали далеко вниз, предгорья, вот уже показались неприступные скалы, узкая вырубленная среди скал дорога, тонкой нитью вьётся по отвесной стене ущелья. Виднеется каменная стена с крепкими воротами, перегораживающая подступы. Только ни одной ровной площадки нет, а руки – крылья слабеют с каждым мгновением. Лучше уж как большинство невров⁵ перекидываться земным зверем, волком или медведем, ну хотя бы той же рысью. Слева мелькнула плоская, словно срезанная ножом вершина горы покрытая синеватым снегом, единственное ровное место. Другого выхода нет. Снижение, удар, суставы будто вывернулись в обратную сторону. Жаркая как жерло печи боль. И мир пропал на время.

Как ни крепка кожа, но ободрал он ей на коленях и груди основательно. Кровь сочилась из многочисленных глубоких царапин. Не обращая внимания на холод и боль, человек начал долгий и опасный спуск. Пальцы рук заledenели, не чувствовали холодного камня, но жизнь слишком многих стояла под угрозой. Осторожно, стараясь не торопиться, он спускался всё ниже пока, наконец, не очутился на дороге. Бегом, невзирая на наготу, он бросился вверх, к виденному с высоты Древнему Граду. Тело начало понемногу отогреваться. Руки и ноги уже обрели чувствительность, вот только кровь начала сочиться обильнее. Пока он добрался до запертых ворот, всё тело покрыла корка из грязи и крови. Теперь оставалось убедить, укывшегося в граде, тцара, выслать помощь осаждённому Барбусу.

Надувная лодка покачивалась на небольшой волне. Солнце жарило так, словно стояло не начало мая, а июль. Стас ещё раз обошёл машину, придирчиво осмотрев площадку, не забыл ли чего и, убедившись, что всё в полном порядке, забрался в лодку. Вёсла распорили воду, попутный ветер ощутимо подгонял надувнушку и плыть было довольно легко. Стас размеренно грёб, держа глазами привычный ориентир. До острова было около километра по воде. Высокий, поросший вековыми соснами он заслуженно носил название Гостиный. Один раз побывав на нём, будешь постоянно хотеть, вернуться сюда снова и снова. Уютные бухты, очаровательный песчаный пляжик и огромный Камень, с необычной ложбиной в которой так любил лежать Стас. Когда-то отец показал ему этот остров, и с тех пор уединённое озеро стало для него прибежищем в трудную минуту. Он приезжал сюда вроде бы на рыбалку, а сам часами лежал на Камне, слушал плеск воды, шум ветра в сосновых кронах и думал. Здесь он принимал самые ответственные решения. У Стаса, когда он устраивался на Камне, всегда появлялось необъяснимое чувство отрешенности. Мысли становились светлыми, острыми и разгадки самых сложных задач находились как бы сами собой. И теперь он стремился поскорее достичь острова. Забраться в согретую солнцем ложбину, закрыть глаза и спокойно всё обдумать. Дело с разводом, можно считать решённым, но существовало ещё нечто не дававшее покоя.

Высокий камыш зашелестел о борта лодки, оглянувшись, Стас направил её в узкий проход и немного разогнавшись, выскочил на мелководье. Вытащив лодку на песок, он достал рюкзак, поднялся на обрыв и остановился возле Камня. Потрогал тёплую шершавость гранита, посмотрел на озеро и решительно направился к месту обычного своего бивуака. Установил палатку, собрал хворост для костра, сходил к крошечному, обустроенному им, ещё лет десять назад, роднику, набрал воды. Солнце стояло в зените, его лучи, пронзая кроны

⁵ Невры – одно из древнейших праславянских племён.

сосен, весёлыми золотыми пятнами сверкали на опавшей хвое. Где-то неподалёку зазвучала кукушка. Стас усмехнулся, если уж и спрашивать, сколько осталось, то лучше всего у дятла. Сегодня он по непонятным причинам, откладывал момент общения с Камнем. Будто ожидая чего-то. Пока в котелке булькала нехитрая похлёбка, Стас обошёл свой остров, стараясь не приближаться к обрыву. Посмотрел, как играет рыба в темной воде северной бухты, не спеша, пообедал. Закурил сигарету, глядя в затухающий костерок. В маленьких красно-синих огоньках, что метались в остывающих углях, чудилось ему крошечные живые существа, неслышный голос, что-то шептал, догорающий костёр манил к себе, отзываясь грохотом крови в висках. Внезапный толчок заставил Стаса подняться и идти к Камню. Свинцово-серые тучи, появившись ниоткуда, заволокли небо. Резкий порывистый ветер не давал идти. Привычный мир странно изменился, подъём стал круче, Камень словно поднялся выше. Преодолевая внезапную слабость, Стас взобрался на него, лёг в ставшую почему-то глубже, ложбину и, раскинув руки, начал всматриваться в круговерт туч над головой.

Неясный доселе голос, зазвучал громче, слова непонятные, на чужом, незнакомом языке, то звучали высоко, то грохотали камнепадом. Где-то далеко, за тучами, что-то сверкнуло нестерпимым ослепительным светом, начало приближаться. Сверкающий серебряный шар, прорвав черноту грозовой ночи, устремился к Стасу. Завис над ним, переливаясь и горя множеством микроскопических солнц. Начал разбухать, разрастаться. Нестерпимый жар на миг опалил глаза, лицо, проник внутрь и вдруг сменился приятной прохладой. Запахло озоном, лесом, весной. Перед глазами на миг появилось суровое мужское лицо. Темнота обрушилась словно удар.

За воротами его схватили. Он объяснял, убеждал, упрашивал, но пыточная уже ждала его. Два дня и две ночи, мучений. Плети, дыба и снова плети, клещи рвали его уже потерявшее чувствительность тело, но воин упорно стоял на своём. Лишь утром третьего дня тцарь поверил, остановил, разматывающего в очередной раз измочаленную плеть, палача.

– Верю! Лекаря ему. Баню. Девки. Чтобы к завтрашнему утру здоров был, – отрывисто бросил тцарь Золтан и вышел из камеры пыток.

– Чего зря тянул? – пробасил палач, пожимая широченными обвислыми плечами, когда за тцарем закрылась тяжёлая дверь.

Развязав путы, он, крякнув, взвалил на плечо едва живого Воина и, задев его окровавленным телом о каменные стены, понёс во двор. Бросив под навес, неспешно, покачиваясь на коротких кривых ногах, отправился за лекарем. Присланные девки, осторожно перекатили Воина на расстеленное полотно и вчетвером, перекашиваясь от натуги, понесли в баню. Пришедший лекарь осмотрел его и, убедившись, что кости целы, а мясо нарастёт, удалился. Уложив истерзанное тело на полук, девки принялись стирать кровавое месиво пучками лечебных трав, размоченных в горячей воде. На открытые раны прикладывали целебные бальзамы, отогревали, оглаживали израненного воина своими мягкими телами. Здесь же в жарко натопленной бане кормили его, ласкали. Воин быстро приходил в себя под их нежными, но крепкими руками. Да и девки откровенно радовались, что им попался такой великолепный образчик мужской породы. Уснули они все вместе, прямо в бане усталые, но весьма довольные. Воин очень быстро восстановил силы.

Утром ему принесли одежду, самую большую, какую нашли, отвели к тцарю. Тот его принял у себя, в палате, за накрытым столом.

– Ты говоришь, что Барбус можно отстоять? – грозно глянул Золтан.

– Да, не только возможно, но необходимо, – ответил воин. – У тебя тцар, есть для этого всё необходимое. Да, не скрою, павших будет много, но ни тебя, ни твоих наследников не станут больше тревожить правители Куявии.

– Ты говоришь так, словно уже стал моим главным военачальником. Забываешься, не таким как ты я приказывал рубить головы.

– Согласен с тобой тцар, пока голова моя немногого стоит, но пара крепких рук умеющих держать секиру или меч лишними для тебя не будут.

– Вот и поживёшь тогда до победы, а дальше посмотрю, что с тобой делать. Ты слишком наглый, ведёшь себя так, будто ровня мне. Я, да будет тебе известно, из рода самого Панаса.

– Мне это известно, тцар. Позволь мне пока изложить тебе наш план.

Выйдя из палаты, Воин уже как полноправный ратник отправился в оружейную. Как ни странно, но там заправлял его недавний знакомый, всё тот же палач, истязавший его двое суток подряд. Хмуро взглянув на вошедшего, он пробурчал:

– Чего ещё? Снова на дыбу захотел?

– Злой ты. Меня тцар за оружием прислал. Тебе велел дать всё, что выберу.

– На тебя доспех я не подберу, уж больно ты здоров, и что касается меча, то выбирай, этого добра хватает. Ратников нет, а мечи... сколько хочешь, хоть по два сразу.

– Тогда я два и возьму. И ещё секиру мне дай. Я к ней привык.

– Пошли, коли так, – с ноткой уважения буркнул оружейник и поковылял в просторный подвал. – Смотри, выбирай, пробуй.

Воин окинул взглядом просторное помещение. Оружия, самого разнообразного и впрямь было много. На полках лежали охапки тяжёлых мечей, у стен стояли двуручные секиры, шлемы разных форм и размеров громоздились в углу. В огромном сундуке поблёскивали длинные, словно кинжалы наконечники копий, в другом, колючими ежами топорщились острые жала, связанных пучками, стрел. Длинные луки стояли рядом с ларём, доверху наполненным клубками с тетивой. Воин задумчиво подошёл к стеллажу с самыми длинными мечами, взял один, вынул из потёртых ножен, со свистом взмахнул, отложил. Покопавшись, нашёл ещё такой же. Проверил остроту клинка. Взяв по мечу в руку, внимательно посмотрел на оружейника.

– Сам-то умеешь с оружием обращаться?

– Ты малец, ещё сиську мамкину сосал, когда я уже был лучшим мечником! – с вызовом ответил оружейник.

– Пошли, поглядим, – смиренно предложил Воин. – Только щит, возьми покрепче.

Они вышли во двор, где уже толпились ратники. Объявленный общий сбор начинался. Предстоящий поединок, тут же вызвал немалый интерес. Мигом расчистили круг, стали плотно, закрывшись щитами. Под одобрительные крики оружейник потряс над головой, зажатые в руках шитом и невероятно тяжёлым, широким и длинным мечом. Рослый, с необъятно широкой выпуклой грудью, крепкими, достающими едва ли не до колен руками, он выглядел очень серьёзным соперником. Из-за относительно коротких ног, он наврядли мог двигаться быстро, но широченные плечи, вкупе с длинными, сильными руками, делали каждый его удар нечеловечески сильным и неотвратимым.

Воин хотя и превосходил оружейника ростом, казался рядом с ним довольно щуплым. Не спеша, пройдясь по кругу, он под смех собравшихся отбросил несколько камней попавшихся на пути. Остановился. Чуть склонив голову влево, посмотрел на оружейника, и словно не слыша восторженных криков – «Убей чужака, Бер», негромко спросил:

– Тебя что ли Бером кличут? – и, заметив утвердительный кивок, продолжил. – Готовься Бер.

– Уже. Начнём! – выдохнул Бер и, покачиваясь всем телом, двинулся вперёд.

– Запомни Бер, меня зовут Стерх, – крикнул Воин и шагнул навстречу.

Взметнувшиеся мечи встретились, несильно, только пробуя силу соперников. Звякнули призывно и со следующим ударом обрушились со всей мощью. Искры прыснули в раз-

ные стороны, словно испуганные яркие рыбки. Закрывшись щитом, Бер рубил с чудовищной силой, каждый удар был смертельный, способный разрубить противника от макушки до самой развилки. Но всякий раз его меч только высекал искры из клинка Стерха, и уходил в землю.

Стерх, похоже, не торопился атаковать, парировал удары, уклонялся, легко скользя по утопанной земле. Лишь время от времени, будто невзначай, ударял по щиту Бера. Видя, что соперник начинает понемногу звереть от безуспешных попыток сразить его, Стерх чуть отступив, вдруг взметнул оба меча, и завращал их с такой скоростью, что казалось, в руках его разом возникли два сверкающих круга. Спустя миг от щита Бера осталась лишь дощечка величиной с небольшую тарелку, а меч вообще улетел в зрителей, с грохотом ударившись и выставленный щит.

– Всё, пожалуй, – невозмутимо сказал Воин. – Ты хороший ратник, Бер. Только умения маловато.

Ошеломлённый Бер стоял посреди разом примолкшего круга. С таким бойцом здесь ещё никто не встречался. Слухи ходили, что далеко, за артанскими степями живут иные народы, умеющие пускать стрелы на полном скаку, живущие на своих конях, никогда не ступающие на землю. А за полночным морем на неведомых островах есть странные северные люди, белые, словно снега, среди которых строят они своим каменные жилища. Они будто бы столь смелы и свирепы, что перед боем не надевают доспехов, а бросаются на врагов с открытой грудью, сжимая в каждой руку по длинному мечу. Убить их невозможно, ибо, даже будучи израненными, они продолжают сражаться, пока силы не оставят их и не спустятся к ним с небес прекрасные девы-валькирии, и не унесут в небесные чертоги. Чужак, же не был бел как те северяне, но дрался как они, двумя тяжёлыми мечами, волосом же был чёрен, словно вышел из того народа, что живёт верхом на конях и зовётся по-эллински кентаврами, то есть конными таврами.

Воин стоял, опустив мечи, посреди замершей толпы, спокойный и невозмутимый, будто не он только что обезоружил лучшего и сильнейшего бойца.

Бой начался перед рассветом. Воин вёл свой десяток горцев прямо к шатру тцаревича Мигарда. Мигард, старший сын тцара Велигарда уже успел прославиться как умный, расчетливый и непобедимый военачальник. Несмотря на молодость, он уже почти вдвое расширил пределы Куявии, подчинив себе, часть Славии, большую часть Диких земель и надёжно закрепился на левом берегу Реки, потеснив доселе неукротимых артанцев. Теперь заперев в горах Золтана, и осадив Барбус, он готовил войска к решительному сражению. На стороне Мигарда были сила, решительность, напор и армия, уверенная в собственной непобедимости. Что мог противопоставить всему этому Золтан? Старые стены стольного града да ещё пять тысяч, решительных, неплохо вооружённых, но слабо обученных, не учувствовавших раньше в настоящих боях горцев.

Если план Воина сорвётся, то потеря трона и в лучшем случае позорный плен ожидали Золтана. В этой безвыходной ситуации ему пришлось поставить на карту всё. Острые струи ветра резали глаза, впервые за много лет Золтан перемещался не как обычно в носилках или роскошном возке, а на неудобном седле, на спине боевого дракона. Личная охрана, возглавляемая преданным Ксандром, окружала его со всех сторон. Полёт был опасен, у Мигарда имелись огромные луки способные поражать драконов в полёте. Потому они и забрались так высоко. Холод и мрак окружали сотню драконов с всадниками стремительно мчащихся выше облаков. Как возницы находили направление в кромешной темноте, ведомо только богам. Путь их подобный стреле вёл вперёд, к Барбусу. Всего тысяча ратников летела на помощь осаждённому граду. Но и это была солидная сила, способная удвоить число защитников.

Там позади в предгорьях уже шёл ожесточённый бой. Всё оставшиеся горцы прорывались на соединение с городской стражей и остатками армии закрепившейся в граде. Золтан не знал, что десяток, лично отобранных Воином бойцов, уже пленил Мигарда, и теперь отбиваясь от наседавших куявцев, уходит в леса, выдерживая направление на Барбус. Пленение тцаревича, и орудующая в стане полутысяча горцев посеяли панику. Оттого-то удар с гор оказался так страшен. Сметая выставленные на ночь посты, три с половиной тысячи горцев заставили рассеяться и бежать десятитысячную армию куявцев. Но праздновать победу, не было времени. Собрав оружие и самое ценное из добычи, горцы двинулись на град. К вечеру, сметая на своём пути не готовые к бою тылы второй куявской армии, они прорвались к граду и закрепились в нём.

Ещё раньше огромное полчище боевых драконов атаковало куявцев и, расчистив поле перед воротами, высадили подмогу защитникам. Только спустя сутки и первая, и остатки второй куявской, армий собрались у стен Барбуса. Силами и численностью она всё ещё превосходила войска Барбусии, но боевой дух уже был сломлен.

Спустя неделю в решительном сражении невдалеке от северных ворот в жестоком бою погибли почти все защитники Барбуса, но и от армии Куявии не осталось никого. Оставшиеся в живых вместе с мирными жителями ещё десять дней хоронили прямо на поле брани и своих, и чужих павших.

Воин получил несколько тяжких ран с том сражении, но выжил. О нем буквально слагли легенды. Вскоре после поминальной тризны. Золтан назначил его начальником городской стражи. Тогда-то уже при дворе Золтана он и повстречал Мару. Странное, непривычное дело, когда девушку называли именем богини! Их любовь была тайной, дочь советника тцара не могла стать женой начальника стражи. Когда на свет появился их сын, его пришлось отдать кормилице. И вот спустя тринадцать лет Мары не стало, а Дулиус, все эти годы безуспешно пытавшийся добиться её любви отнял душу их сына.

Ковёр начал снижаться. Высокий, поросший у подножья лесом холм, вздымался над окрестностью. Огромный камень, освещаемый вспышками молний, покоился на его вершине. В углубление его и уложил Воин тело единственного сына. Развёл у ног его небольшой костёр и, защищая ещё несмелое пламя от дождя и ветра, развернул свой выдавший виды плащ. Трилиус, взволнованный не меньше чем Воин, начал приготовление к обряду. В раскрытом навстречу грозовому небу золотом ковчеге, сиял нестерпимым первосветом крошечный осколок первояйца. Воздев над головой ковчег, маг начал читать заклинание его голос то взлетал к тучам, то падал к земле. Наконец, острый как стрела луч ударил вверх и, пронзив пространство, озарил окрест яростным светом творения. Лицо сына, доселе смертельно бледное, загорелось золотом. Воин, рванувшись вперёд, наклонился над ним, пристально вглядываясь в распахнувшиеся, наконец, глаза и отпрянул так же внезапно. Луч света, будто отразившись от невидимого зеркала, ударил в тело сына. Жар миллионов горнов отбросил воина прочь. Только Трилиус, с поднятым над головой ковчегом, в развевающемся плаще, остался неподалёку от сгорающего в диком первозданном пламени тела...

Тьма обрушилась неожиданно. Костёр погас. Ни единого звука не доносилось вокруг. Воин пошевелился, шатаясь, поднялся на слабые, словно ватные, ноги. Ничего кроме крошечного мрака.

– Трилиус! – позвал он, не узнавая собственного голоса. – Трилиус!

– Я здесь Воин, – отозвался глухо, будто из могилы маг. – Ты видел, какие силы бушевали?

– Где сын? – первым делом спросил Воин.

– Я ничего не вижу. Словно ослеп. Ты видишь меня? – слабым голосом сказал Трилиус.

– Нет, Темно. Я разведу огонь, – успокоил его Воин.

Двумя ударами высек искру, раздул небольшой огонёк, в его свете запалил заранее припасённый факел. Потрескивая, занялось пламя, озаряя неясным светом Камень и сидящего подле него Трилиуса. Воин, подняв факел, шагнул к Камню. В ложбине среди разорванных ключев полотна лежал сын, грудь его бурно вздымалась, но глаза оставались закрытыми.

– Стерх, ты слышишь меня? – позвал Воин, но сын не отвечал. Он протянул руку, чтобы тронуть сына за плечо, но подскочивший с необычайной прытью маг остановил его:

– Нельзя! Его нельзя трогать пока не взойдёт солнце, иначе Чернобог возымеет над ним свою власть. Нужно дождаться рассвета.

Внезапно земля ушла из-под ног. Грохот больно ударил по ушам. Воин даже покачнулся от неожиданности и в этот миг гора содрогнулась, стремительно оседая под собственной тяжестью. Непонятно откуда появившийся нестерпимо яркий серебряный шар повис над их головами. Воин куда-то покатился, рядом с ним с грохотом пролетел ствол могучего дуба, вырванного с корнем неистовой силой, где-то истошно вопил от страха Трилиус. Наконец падение прекратилось, но невесть откуда взявшаяся вода, начала быстро заполнять огромную яму, в которой очутился Воин. Факел давно погас. Воин побежал куда-то в гору, вода преследовала его по пятам, бежать было трудно, ноги вязли в ставшей вдруг мягкой земле. Края огромной ямы местами были пологи, но иногда обрывались крутыми уступами, вода поднималась так быстро, что несколько раз едва не захлестывала Воина с головой. Шар куда-то исчез. Стерх уходил от наводнения, не думая, стремясь только выбраться с проклятого места. Появившаяся, наконец, луна высветила пологий берег невдалеке. Воин устремился туда. Когда измученный он выбрался на сушу, подъём воды прекратился. В призрачном свете на месте недавнего леса простиралась водная гладь, то тут, то там на поверхности плавали огромные стволы, вздымающие к ночному небу искореженные сучья. Гора с Камнем исчезла, лишь несколько небольших островов смутно виднелось вдали. Едва обретя надежду на спасение сына, он вновь потерял её.

Стас бежал сквозь лес, низко нависающие ветви деревьев хлестали по лицу, с разорванного лба стекала струйка крови, засыхая корочкой на щеке. Дышалось с трудом, уже скоро полдень, а до берега он доплыл на рассвете. Выходит, бежит уже часов шесть, если не больше и за всё это время только звериные тропы и ни малейших признаков жилья. Дикое безлюдное место привело его в ужас. Но первое потрясение он испытал, когда осознал себя в другом теле. В голове тяжко ворочались каменные жернова. Что-то произошло, но осознать пока ничего не удавалось.

Очнулся он, едва первые лучи солнца коснулись обнажённого тела. Он лежал в ложбине того самого Камня. Только остров был совсем иным, крошечный, едва выступающий над водой. А вокруг огромное незнакомое озеро, и вырванные с корнем исполинские деревья, плавающие по нему. Там где только вчера он оставил машину, была вода, на многие километры. Непривычно далёкий берег и туманная кромка леса. От того привычного мира остался Камень. Даже его самого Стаса не было, вместо него на Камне лежал незнакомый подросток, высокий, крепкий, развитый, но ещё не оформившийся в мужчину. На лице не было даже юношеского пушка, не говоря уж об остальном. Одежды тоже не было, только куски незнакомого грубого полотна. Стыдливо обмотав бёдра импровизированной повязкой, Стас поплыл к далёкому берегу.

Произошло нечто непонятно не укладывающееся в сознание. Если это природный катаклизм, то где следы людей? Или же он и впрямь в загробном мире, но тогда почему не в своём теле? И отчего тогда такой лютый голод? Если это он Стас то ел последний раз он вчера, в обед, а это тело последний раз питалось когда? Судя по весьма неплохой физиче-

ской форме, содержали его в нормальных условиях, мышцы развиты не по-детски, дыхание отработано. Но только что оно умеет это чужое, незнакомое тело?

От голода уже начинало подташнивать. Но что делать, если нет ни ножа, ни спичек? Ягод нет, толи ещё не появились, а может в этом мире их вовсе не бывает? Выломав на бегу подходящую палку, Стас помчался дальше, в надежде встретить доступную добычу. За то время пока он бежал по лесу, попадалось довольно много зверья. Кабаньи стада валялись в грязи, косули, испугнутые им, стремительно уносились в чащу, несколько раз встречал исполинских лосей. Но все они были явно не по зубам. Был бы хотя бы лук и стрелы, но не из чего было сделать тетиву. Впрочем, змеи попадались достаточно часто и Стас решил рискнуть. Не останавливаясь, палкой он убил одну, для верности ещё размозжив ей голову о ствол дерева, спустя полчаса попалась ещё одна. Теперь нужно было подумать о том, как их съесть. Журчание ручейка подсказало решение. В неглубоком овражке он нашёл то, что искал. Несколько камней. Выбрав подходящие, после нескольких неудачных попыток расколол один, выбрав осколок поострее, принялся снимать со змей кожу. Отрубив головы, он осторожно миллиметр за миллиметром, стараясь не порвать, стягивал, словно скользкий чулок с окровавленного тельца змеи, чешуйчатую шкурку. Закончив, он прополоскал в ручье неожиданно тонкие кожаные чулочки. Понюхал ещё сочащиеся кровью тушки и осторожно попробовал укусить. Там в другой прошлой жизни ему уже приходилось есть змей, но то было в ресторане, изысканно приготовленных, а вот так сырыми оказалось страшновато. Но едва зубы рванули с хребта кровавое мясо, желудок радостно заплясал в нетерпении. Оказалось, ничего страшного, даже можно было и больше. Проглотив последний кусок, Стас умылся и, повязав непривычно длинные волосы змеиной кожей, побежал дальше. С голодом вопрос решён, пока есть змеи, жить можно, но где же люди? За весь день он не встретил ни малейших следов человека, только бесконечный хмурый лес, да звериные тропы.

К ночи, уставший, на дрожащих от напряжения ногах, Стас добрался до берега могучей реки. Неспешные волны катились перед ним. От голода и усталости он опустился на траву. Нужно было хоть немного отдохнуть. Солнце уже опускалось за лес. Играющая рыба оставляла круги на воде. Из последних сил Стас поднялся и, прихватив дубину, вошёл в воду. Буквально из-под ног, стремительной пятнистой тенью, метнулась крупная щука. Он даже не успел среагировать, лишь зло ударил палкой по поверхности. Но рыба было и её много, это определённо радовало. Оставалось лишь поймать. Долго и безуспешно он колол дубиной, устал ещё больше, но так и не сумел оглушить ни одной рыбины. Измученный он плюхнулся прямо в воду. Прямо у его ног, во взбаламученной воде, вились небольшие рыбки. Обидно было до слёз. От сознания собственного бессилия Стас схватил довольно крупный камень, лежащий под водой, и тут же выронил от неожиданности. Под пальцами шевельнулось упругое тельце рыбёшки. Оказалось всё очень просто. Осторожно приподнимаешь камень, просовываешь под него руку и хватаешь зазевавшегося небольшого голавчика. Чтобы наловить достаточно рыбы понадобилось совсем немного времени. Конечно, улов не радовал особо крупными размерами, самые большие рыбёшки размером с ладонь, но их было вполне достаточно, чтобы плотно поужинать.

Больше всего Стаса порадовало то обстоятельство, что тело не только слушалось, и оказалось весьма выносливым, но и очень неприхотливым в еде. Сырые змеи и рыба не самая изысканная диета для современного человека, а здесь, ни малейших неприятных последствий.

Незадолго до того как темнота окутала берег, Стас соорудил в песчаной норе под обрывом гнездо из веток и, свернувшись калачиком, лёг спать. Усталость долгого перехода дала о себе знать почти сразу. Он будто провалился в сон. Станный, тревожный, непонятный.

Суровое мужское лицо склонилось над ним, длинные с проседью, цвета воронова крыла волосы касались груди, легонько щекоча. Твёрдые губы шевельнулись:

– Стерх, ты меня слышишь?

Он очень хотел ответить, но слова застряли в горле. Он помнил это лицо, давно, ещё в детстве, оно вот так же ночью наклонялось над ним, но в глазах тогда было не тревога и боль, а радость и гордость. Он помнил этот голос, низкий как призывный рёв боевой трубы, а ещё руки, сильные, твёрдые, мозолистые, отполированные рукоятью длинного меча и древком тяжёлой секиры. Эти руки подбрасывали его, совсем крохотного, высоко в небо, а голос грохотал:

– Ты Стерх! Ты не должен бояться полёта! Твоя стихия небо!

Раз за разом его подбрасывали всё выше и выше. Он летел, опускался на могучие ладони и снова взмывал в воздух. А голос грохотал счастливым смехом.

Ещё вспомнилась женщина, в роскошном убранстве, в платье расшитом золотом и драгоценными камнями. Волосы цвета золота покрыты тонкой поволокой, огромные, синие как весеннее небо глаза смотрят на него. Голос нежный, словно журчание лесного ручейка. Ласковые руки, тонкие трепетные пальцы, что касаются его волос. Женщина вся такая нежная, красивая и постоянно улыбается, встречаясь с ним взглядом.

Ему, наверное, лет десять не больше, он бежит, задыхаясь. Тяжёлый мешок оттягивает плечи, больно бьёт по спине, рядом с ним легко бежит уже не молодой мужчина. Торопит, подгоняет, заставляет с мешком за плечами залезать на дерево, перепрыгивать через глубокие ямы...

Твёрдая как камень утоптанная земля. Высокие бревенчатые стены вокруг. Очень далеко висит щит с белым, нарисованным известью, кругом. Стрелы всё время недолетают, с сухим стуком падают на землю. Едва преодолев половину расстояния до щита. Толстая кожаная рукавичка на левой руке уже измочалена, взмокла от крови. Тетива постоянно с силой бьёт по одному и тому же месту. Слезы застилают глаза...

Кони мчатся во весь опор. Встречный ветер рвёт губы, не даёт вздохнуть полной грудью. Весело, радостный крик сам рвётся из груди. На лесной поляне сильный мужчина прямо с седла прыгает на спину огромному дикому кабану, сверкает острый клинок, истощенное верещание смертельно раненного вепря. Костёр, большущие ломти жареной на камнях кабанины, сладкий мясной сок, обжигаяще-вкусный, дурманивший. Шум ветра. Пропахшая крепким конским потом попона. Руки отца заботливо укрывающие его плащом...

Бледное, будто вылепленное из воска, лицо матери. Невероятно красивое, но уже безжизненное. Тяжёлая рука на плече. Горечь утраты. Нестерпимая обжигающая боль, словно в сердце вонзили раскалённую иглу...

Стас невольно вздрогнул, прижал руку к груди. Боль исчезла. Небо уже утратило темноту, звёзды поблекли, легкий невесомый туман, струился над водой. Ничего не изменилось, тоже тело крепкого подростка, всё тоже ложе из наломанных вчера веток, только добавились ещё незнакомые, чужие воспоминания. Решив ещё вчера, когда переплыл озеро, двигаться на юг Стас не стал менять своего решения. Река даже такая широкая – не преграда. Вода, не остывшая за ночь, приняла его. Ближе к середине, сильное течение начало значительно сносить его, но, справедливо рассудив, он не стал с ним бороться, а просто двигался с рекой, понемногу продвигаясь к противоположному берегу. Выбравшись из воды, он, так же как и вчера наловил рыбы, плотно перекусил и ровно побежал дальше.

Лес не кончался, старый дремучий, с завалами вековых деревьев с редкими полянами на которых буйно цвела земляника. Местность заметно повышалась, всё чаще встречались высокие безлесные холмы, в глубоких долинах между ними поблёскивали небольшие озёрца.

Забыв про усталость, пот стекающий со лба, Стас бежал, огибая низины, стараясь не спускаться в них, чтобы не взбираться после на крутые склоны. Солнце неумолимо приближалось к зениту, а лес всё не кончался. Ни единого человеческого следа, лишь непуганные звери настороженно наблюдали из зарослей за бегущим. Когда голод начал донимать Стаса совсем сильно, он убил палкой ещё несколько змей и, не останавливаясь, на бегу съел их. К ночи он достиг не слишком широкой, но достаточно глубокой реки. О том, чтобы наловить под камнями рыбы не могло идти и речи, берег уходил под воду круто, и глубина оказалась такой, что шагнувший было в реку Стас, сразу же скрылся с головой. Оставалось одно, ловить лягушек, благо их скакало по невысокой траве в изобилии. Кое-как утолив мучавший его голод, Стас забрался на раскидистый вековой дуб и, устроившись в развилке, задремал.

Ночной неприветливый лес шумел вокруг, где-то раздавался не то вой, не то рык. Гулко ухал филин. Неясное беспокойство, отступившее днём вновь потихоньку начало терзать сознание. Стас не мог понять, что же произошло, почему нет людей, и что это за проклятое место, куда его занесло неведомой силой. Почему он вдруг оказался в теле подростка.

Солнце ещё не поднялось, а Стас уже бежал вдоль реки всё дальше на юг. Увидев, наконец, относительно пологий противоположный берег он переплыл на другую сторону. Почему он выбрал направление на юг, Стас не мог себе объяснить, но что-то заставляло его двигаться в этом направлении. Постоянно немного забирая на запад, к концу дня он достиг берега большого озера. Сюда его вывела тропа. Сначала, когда он наткнулся на неё, сердце радостно забилося в груди. Широкая, утоптанная полоска земли, причудливо петляя между вековыми соснами, уходила куда-то в низину. Стас не поверил собственным глазам, местами, на влажной земле, виднелись неясные отпечатки босых ног. Опрометью он бросился по тропе, лишь со временем он понял, что присутствием человека здесь и не пахнет, а следы, скорее всего, медвежьи. Недалеко от озера он наткнулся на тушу недавно убитого огромного оленя. Вероятно, олень погиб защищая свой гарем, вступив в неравную схватку с медведем. Отогнав несколько лисиц уже лакомившихся развороченными внутренностями, Стас принялся разделявать то, что осталось от некогда могучего зверя.

Осколки камней вполне исправно служили вместо ножа. Хотя кожа и подавалась туго, но тем не менее, удавалось отсекать вполне солидные куски свежего ещё не успевшего застыть оленьего мяса. Добыть бы огонь, да к несчастью ничего подходящего нет под руками.

Ничего, что-то подсказывало, что в любом случае необходимо наесться до отвала и забрать с собой, сколько можно унести. Стас решил так и поступить. Ел сырое мясо, едва не давился, но старался запастись наперёд. Когда уже больше не лезло, принялся голыми руками сдирать кожу с оленя. Зверь оказался не только огромным, но и невероятно тяжёлым. С огромным трудом юноше удалось перевернуть неподъёмную тушу. Принялся подрезать туго натянутую шкуру острым осколком камня, придерживать зубами кровоточащую кожу. Сжимать зубы приходилось с такой силой, что слёзы выступили на глазах. Когда же, наконец, удалось оттащить в сторону вырезанный кусок, Стас обессилено рухнул на землю. Только отлежавшись, смог подняться и подчиняясь неведомому инстинкту, принялся кроить из огромного пласта нечто не понятное. Когда он закончил работу, то с удовольствием отметил, что меховая накидка и надёжный мешок, получились отменно. Теперь можно и запастись мясом. Нарезав ломтей помягче, Стас загрузил мешок, натянул через голову накидку, опоясавшись вырезанной кожаной полосой и двинулся дальше. Сумерки в лесу приходят быстро. Вскоре и хозяин туши мог появиться. Не бросит же он свою добычу!

Выбравшись из низины, Стас скорым шагом направился дальше. Не может же быть, что он единственный человек в этих бесконечных лесах. Он свято верил, что где-то есть люди.

С каждым часом становилось всё темнее. Тени уже сливались в плотную непроницаемую тьму. Пора устраиваться на ночлег. На беду ни одного подходящего дерева поблизости не оказалось, зато под огромным выворотнем образовалась вполне уютная яма. Расчистив место, Стас сунул под голову мешок с припасами и уснул. Сон тревожный, чуткий овладел им. На этот раз сновидений не было, зато много раз новое неведомое чувство заставляло его просыпаться и прислушиваться к ночным лесным звукам. Лес продолжал жить собственной дикой жизнью, совершенно не обращая внимания на то обстоятельство, что в его недрах появилось чужое человеческое существо.

Воин помнил направление в котором они летели с Трилиусом, но теперь, без коня преодолеть это расстояние оказалось весьма не просто. Какие силы вызвали они? Какую мощь, что от горы ничего не осталось? Да ничего не скажешь, сильны были первобог!

Потеря единственного сына потрясла его, стоит ли возвращаться обратно в опустевший дом? С тех пор как Стерх возглавил армию, никто не смел нападать на маленькую страну. Ни славы, ни артанцы больше не беспокоили их. Даже куявы заключили с Барбусией вечный мир. Но теперь Воина жизнь страны уже не волновала.

Поправив перевязь, Воин лопатками поудобнее разместил на спине длинный тяжёлый меч и привычным, размеренным шагом поспешил на полдень. Добираться придётся не меньше луны, если повезёт. Здесь, в Славии никто не может быть уверен ни во времени, ни в расстоянии. Весь день, где шагом, где бегом, Воин двигался к Эридану. Только к вечеру, когда солнечный диск уже почти скрылся за лесом, он выбрался на берег реки. Срубив мечём несколько молодых деревьев, Стерх соорудил шалаш, накопал немного съедобных корней и наскоро перекусив, уснул.

Ему снилась жена Мара. Такая же молодая и прекрасная как в тот день, когда он впервые увидел её. Она коснулась его лица нежной рукой и очень тихо, почти неслышно сказала:

– Не печалься любимый. Ты не один. Наш сын станет великим воином. Он продолжит твоё дело. Ты только верь и поступай всегда так, чтобы после не стыдиться сделанного. Иди, не останавливаясь на своём пути. Какие бы преграды не вставали пред тобой, ты доберёшься до цели. Только верь! Наш сын... он сам со временем придёт к тебе. Я буду рядом...

– Но Мара! Я не смог спасти сына! Мне стыдно, что я не сделал всего, что должен был! – вскричал Воин, вскакивая на ноги.

Легкий туман стелился над широкой рекой. Жены нигде не было. Лишь небо уверенно светлело на восходе. Опустив плечи, Стерх двинулся вниз по берегу. Отыскав принесённое водой дерево, оттолкнул его на стремнину и, уцепившись за толстые сучья, поплыл вниз по реке. Стараясь держаться ближе к главной струе, он поглядывал на быстро несущиеся мимо берега. Дикий непроходимый лес высился на высоких обрывах. Не единого признака присутствия человека. Впрочем, оно и не удивительно. Славы предпочитают селиться на малых реках, среди дремучей чащи.

Холод понемногу пробирался всё глубже в тело. Чтобы не дать застыть мышцам окончательно, Стерх сильно заработал ногами, выталкивая непослушное дерево на течение. Неясный глухой шум вскоре привлёк его внимание. Гул нарастал, становился всё сильнее. Подтянувшись на руках, Стерх привстал и к ужасу увидел впереди высокие столбы водной взвеси. Пороги! Вот только этого ему сейчас и не хватало. Из всех сил он начал направлять упрямую корягу к левому берегу. Разбиться и утонуть, совершенно не входило в его планы. Да ещё и сон не давал покоя. Что значили слова Мары, о том что он встретит сына? Если каким-то чудом младший, последний из Стерхов жив, то и он должен передать ему всё то, что принял от своего рода.

Порог был уже совсем рядом, когда ноги Воина коснулись дна. Выпустив из рук мокрые сучья, он, преодолевая мощный напор реки, пошёл к близкому берегу.

Рухнув на камни, Стерх немного пришёл в себя. За спиной ревела дикая, неукротимая вода. Срываясь с высокой каменной гряды, она обрушивалась сверкающей стеной и мельчайшими брызгами взмывала ввысь, искрясь нетерпимым светом в лучах, уже поднявшегося довольно высоко, солнца.

Переведя дух, Воин вскарабкался на высокий обрыв и, последний раз взглянув на кипящую реку, углубился в лес. Теперь его путь лежал к Данапру. Скинув мокрые, пропитавшиеся водой, сапоги, он сбросил с себя всё лишнее, увязал в плотный узел, одежду, кожаный доспех, взял в руку меч и побежал, как не бегал уже много лет. Тело быстро приноровилось к такому движению. Дыхание стало ровным и глубоким. Босые ноги равномерно и мягко опускались на усыпанную опавшей хвоей землю, легко перепрыгивали через коряги и валежины. Путь предстоял не близкий и потому Стерх старался не бежать в полную силу. В его роду, так бегали все мужчины. Прирождённые охотники, они умели догонять в лесу оленя, а высшим мастерством считалось даже не просто нагнать, а, бесшумно подбежав, вскочить одним махом на спину перерезать тому горло, сидя верхом на обезумевшем от страха животном.

Воспоминание о юности невольно наполнило рот слюной. Стерх только помотал головой. Не было времени останавливаться, отвлекаться на охоту. Необходимо ещё до ночи добраться до Данапра. А там если повезёт, удастся сесть на окрут⁶ или ладью, что сплывают по реке.

Лес тянулся вокруг, угрюмый, дикий, лишь звериные тропы изредка уходили в низину, очевидно к водопоям. Стерх бежал всё дальше, уверенно находя нужное направление. Когда солнце добралось до зенита, он решил ненадолго остановиться. Необходимо было, и подкрепиться, и дать немного отдыха натруженным ногам. Без особого труда Стерх нашёл несколько гнёзд, забрал из них все яйца и, прислонившись спиной к шершавому стволу огромного дуба, выпил их. Немного посидев неподвижно, он решительно вскочил на ноги, подхватил узел с одеждой и доспехом, меч и двинулся дальше на полдень, понемногу увеличивая скорость.

Солнце склонялось над лесом, когда Воин, преодолев очередной холм, увидел блеснувшую впереди широкую реку. Остановившись на круче, он постоял недолго, прикидывая, где лучше перехватить купцов и двинулся вниз. На едва различимой из-за расстояния поляне на берегу, виднелись следы большого кострища. По-видимому, там причаливали на ночлег не раз и не два. К заветной поляне и направился Воин.

⁶ Небольшой корабль-однодревка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.